

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Бесплатных
пирожных
не бывает

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Бесплатных пирожных не бывает!

«ЭКСМО»

Леонов Н. И.

Бесплатных пирожных не бывает! / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
— (Гуров)

Находясь в отпуске, подполковник Гуров включается в расследование уголовного дела, нити которого ведут в Москву. Он выходит на мощную мафиозную корпорацию, возглавляемую крупным чиновником. Оценив таланты сыщика, глава подпольного бизнеса предлагает Гурову работать на корпорацию...

© Леонов Н. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Николай Леонов

Бесплатных пирожных не бывает

Глава 1

«Отари Георгиевич Антадзе восемнадцатого умер от инфаркта...» – прочитал Гуров. Подписи в телеграмме не было, адрес лаконичен: «Москва, Петровка, 38, подполковнику Гурову».

– Ну вот, Петр Николаевич, – сказал Гуров, аккуратно складывая телеграмму и убирая ее в карман. – Теперь ни доказательства, ни наручники не нужны.

Полковник Орлов, в чьем кабинете они находились, согласно кивнул. И хотя слова не нуждались в расшифровке, Гуров пояснил:

– Когда Кружнев убил Артеменко и я понял, что организовал дело майор Антадзе, то сказал следователю прокуратуры, мол, если сумею доказать, надену на Отари наручники. А он был добрый, сильный человек и неплохой сыщик.

– Жизнь, она себя кажет, – полковник снова кивнул. – Значит, совесть в человеке пере-
сидела, и сердце не выдержало – сдалось.

– Ты зачем меня пригласил? Телеграмму можно и по телефону прочитать, – сказал Гуров, машинально поглаживая карман, в который положил телеграмму.

Петр Николаевич Орлов был начальником отдела, а Гуров – его заместителем, они работали вместе много лет и, когда оставались одни, обращались друг к другу на «ты».

– Прошу тебя, догуливай отпуск и делом этим не занимайся. Понимаю, самолюбие, гордость, честь мундира, неотвратимость наказания, однако...

– А если понимаешь, – перебил Гуров, – то почему «однако»? Я докажу вину Лебедева и Кружнева. Они должны ответить за убийство и ответят. – Он снова погладил карман, где лежала телеграмма. – Отари тоже они убили.

– Я долго думал, никаких улик против них в природе не существует. – Орлов говорил без азарта, тускло, отлично понимая, что Гурова не переубедить. – И вообще, в твоём теперешнем положении...

Зазвонил телефон, полковник снял трубку.

– Слушаю, Константин Константинович, – Орлов взглянул на Гурова, вздохнул. – Воспитываю Льва Ивановича Гурова, товарищ генерал. Конечно, в отпуске, видно, скучает, заглянул на минуточку. Слушаюсь!

Орлов положил трубку, поднялся из-за стола, запер сейф. Они вышли из кабинета.

– Смотри, Лева, тебе жить, – Орлов пожал Гурову руку. – Моя мечта не работать с тобой, а дружить, встречаться домами.

Полковник направился к руководству, а Гуров вошел в соседний кабинет, который совсем недавно занимал, как старший группы, на двоих с молодым оперативником Борей Вакуровым. Став заместителем начальника отдела, Гуров получил отдельный кабинет, а старшим группы назначил майора Крячко.

Боря, увидев Гурова, вскочил, а Крячко солидно поднялся из-за стола, Гуров ответил на приветствия, прошелся по тесному кабинету, взял со стола Крячко сигарету и опустился на продавленный диван.

Утром, когда полковник Орлов позвонил Гурову домой и пригласил «заглянуть на огонек», Гуров перезвонил Крячко и попросил его, если оперативная обстановка позволяет, около двенадцати находиться в кабинете.

Гуров мял сигарету – курил он очень редко, – поглядывая на товарищей, вздохнул и спросил:

– Ну, сыщики, как жизнь?

Боря, худой, в свои двадцать с небольшим юношески нескладный, шумно вздохнул, взглянул на Крячко. Майор, которому крепкая полнота придавала солидность, выглядел старше своего возраста. Так же, как Гуров с Орловым, Крячко с Гуровым наедине разговаривали на «ты», в присутствии третьих лиц соблюдали протокол.

– Лев Иванович, какая в отсутствие начальства жизнь? Прекрасная! Бездельничаем, набираемся сил, вот вернетесь из отпуска и тогда... – он посмотрел в потолок, – страшно подумать!

– На вечер никаких дел не назначил? – Гуров поднялся, положил сигарету на место. – Если ничего не произойдет, жду вас в девятнадцать у себя дома. – Он коротко кивнул и вышел.

– Дела! – воскликнул Боря.

Крячко ничего не ответил, улыбаться перестал, после долгой паузы, растягивая слова, произнес:

– Полагаю, дела паршивые, и нам не поздоровится.

– Товарищ майор! – возмутился Боря. – Что вы все о себе и о себе! Против Льва Ивановича служебное расследование ведется, а вы...

– Дурак ты, Бориска! – перебил Крячко.

Подполковник Гуров вернулся с Черноморского побережья три дня назад, не отгуляв и половины отпуска. Вчера он отправил жену и ее младшую сестру, которую удочерил, в далекий город за Уралом, где начальником уголовного розыска работал его приятель майор Серов. Предварительно Гуров позвонил ему и, не вдаваясь в подробности, сказал:

– Встречай семью, устрой, приглядывай. Я не думаю, чтобы девочек нашли, но на всякий случай. Подключи спортсменов, они должны меня помнить, пусть не оставляют их одних. Ты меня понял?

– Я тебя понял, – ответил Серов. – Буду звонить.

Рита и Ольга на известие, что они немедленно улетают, среагировали по-разному. Жена заявила, что никуда не полетит, Ольга воскликнула:

– И в школу ходить не буду?

Увидев, что взрослые сейчас начнут ссориться, Ольга тихо удалилась в свою комнату. На пороге девочка оглянулась и состроила Гурову гримасу, которая, видимо, означала, мол, держись, я с тобой.

Гуров улыбнулся и молча выслушал почти часовой монолог жены. Рита говорила, что не может оставить мужа в беде, тут же обвиняла его в эгоизме. Он слушал внимательно, ждал, когда иссякнет порох в пороховницах, размышлял о том, кто из «друзей» сообщил жене о служебном расследовании.

Рита начала уставать, муж молчал, улыбался. Она не любила эту вкрадчивую улыбку, зная, что она ничего хорошего не предвещает. Жена собрала с силами, повторила о его самолюбленности, суперменстве, эгоизме и решительно поставила точку:

– Мы никуда не уедем, возвращаться к данному вопросу не желаю.

– Абсолютно согласен, – Гуров кивнул, – возвращаться к этому вопросу не будем, соберай вещи. Улетая в заграничку, отец сказал мне: «Жену люби, дари цветы, уступай во всем и держи в строгости». Сегодня тот случай. Ты вышла замуж. За меня, – он показал за свою спину. – Я обязан тебя защищать, ничего объяснять не буду. Рейс завтра в восемь утра.

Они сидели не как обычно на кухне, а в просторной гостиной, за овальным массивным столом, покрытым белоснежной скатертью, уставленным хрусталем и парадным сервизом, который в семье Гуровых извлекался на свет божий только в дни торжественных юбилеев.

Гуров встретил товарищей холодно, словно не он пригласил их в гости, а они пришли незваными. Станислав Крячко не обратил на это внимания; зная Гурова, понял, что он сейчас находится не здесь, а в потустороннем мире логических построений, и скоро вернется в мир реальный. Боря Вакуров долго вытирал ноги, затем начал снимать ботинки.

– Отставить, – сказал Крячко, прошел за хозяином в гостиную. – А где девочки? – И, не ожидая ответа, оглядел стол, присвистнул. – Как хорошо быть генералом! Лев Иванович, скажи, почему одному и талант, и папа генерал, а некоторым...

– Станислав, – перебил Гуров. – Мой руки и садись к столу.

– Подполковник, а я в присутствии Бориса твой авторитет не подрываю? – не унимался Крячко.

– Подрываешь, но я стерплю. Давайте, ребята, быстренько, есть очень хочется.

– А у тебя виски серебрятся, не замечал, – сказал Крячко, приканчивая яичницу с колбасой и наливая себе вторую рюмку коньяку. – Лев Иванович не употребляет, а тебе, Бориска, не положено, – и отставил бутылку. – Не будем!

– Значит, так, – Гуров налил чай, кашлянул. – Коротко: в республике, где я собирался было отдохнуть, заканчивается следствие по делу о хищениях и взятках в особо крупных размерах. Прокуратура не могла найти очень нужного свидетеля, я его случайно нашел.

Он поднялся и перенес телефонный аппарат на стол.

– Во время отпуска, загораю, – хмыкнул Крячко.

– Март, холодно, дождит, скука, – Гуров помолчал, вспоминая, как все произошло, и попытаться рассказать о главном и коротко. – В гостинице организовалась компания, довольно обычная, курортная. Потом всякие события произошли, я понял, что компания не сложилась, ее сложили, умышленно. А я в ней оказался по недоразумению. Вы, оперативники, сейчас поймете. Заканчивается следствие, главный эпизод руководителя преступного синдиката не доказан. Опасный свидетель на свободе, если он окажется в прокуратуре, главарь автоматически идет по статье, которая предусматривает и высшую меру. Свидетеля хотят убрать. Начальник местного уголовного розыска, майор Антадзе, мой знакомый, даже приятель, просит меня помочь разобраться. Мы разбираемся. Практически контролируем ситуацию, когда свидетеля, за которым уже приехал следователь, убивают чуть ли не на наших глазах и этим рубят все концы. Доказательств никаких.

– Пока люди живут, они убивают, – философски изрек Станислав.

Вакуров уже освоился, не был так напряжен, взглянул на Крячко укоризненно. Майор взгляд почувствовал, усмехнулся.

– Твой любимый подполковник Гуров считает, что бывают ситуации, при которых следует либо плакать, либо смеяться.

– Преступники заставили майора Антадзе им помочь, прихватили через отца и деда. Отари Антадзе вчера скончался от инфаркта. На меня, чтобы я тут не рыпался, прислали донос, – Гуров помолчал, решая, что говорить, а о чем умолчать.

– Говори, – подтолкнул Крячко. – Все гудят, зачем нам слухами пробавляться.

– Злоупотреблял служебным положением, оказывал давление на следствие, сожительство с сотрудницей уголовного розыска.

– Красивая? – поинтересовался Крячко.

– Красивая. Назначено служебное расследование. Туда уже вылетели товарищи.

– Одного из этих «товарищей» я знаю, – Крячко вздохнул. – Ох, Лева! Черт бы тебя и всех нас побрал, вместе взятых, хлебом горячего!

– Генерал не позволит! – выпалил Вакуров.

– Много понимаешь! – Крячко допил рюмку. – Для нас Константин Константинович – вот, – он провел ладонью над головой. – А в другом кабинете скажут, и генерал будет стоять, как ты, и кивать.

– Вы, ребята, не о том, – сказал Гуров. – Со мной, так или иначе, разберутся. Убийства совершены, преступники живут в Москве. Один – организатор, второй – исполнитель. Я обязан вину их доказать, спеленать, передать в прокуратуру, затем – в суд.

– А что против них имеется? – спросил Крячко.

– Ничего. Как выразился Петр Николаевич, улики против них в природе не существует. – Гуров посмотрел на Крячко, затем на Вакурова и неожиданно тихо рассмеялся. – Но это их не спасет.

– И что же ты предлагаешь? – спросил Крячко.

– Не знаю, думаю. – Гуров пожал плечами.

– В чем мы можем тебе помочь?

– Настырный ты, Станислав, сил нет! Я тебе что – бог? Я только сыщик. Пока лишь хочу посоветоваться.

– Не надо, Лев Иванович. – Крячко начинал сердиться. – Я же не Бориска...

Боря только крутил головой, переводя взгляд с одного начальника на другого.

– Естественно, – согласился наконец Гуров. – Я стремлюсь тебя рассердить, заинтересовать, чтобы ты подключился.

– С первой задачей ты справился. – Крячко откинулся на спинку стула, вытянул ноги. – Я буду тебя допрашивать, ты – отвечать, ты строишь, я – ломаю. Имеем двух преступников. Лебедев Юрий Петрович, двадцать четвертого года рождения, пенсионер. Дважды проходил свидетелем по делам цеховиков-миллионщиков. Он опытен, умен, осторожен, прошлые его «подвиги» в ОБХСС известны, но не доказываются. Лебедев организовал убийство неудобного свидетеля, концы обрублены, доказательства отсутствуют.

– Молодец. И откуда информация? – улыбнулся Гуров.

– Ты сыщик, а я в МУР только в столовую чай пить хожу, – Крячко подмигнул Боре, который по заданию начальства и работал в картотеках. – Далее, Кружнев Леонид Тимофеевич, сорок четвертого, бухгалтер, двадцать с лишним лет назад получил за хулиганство условное осуждение. Именно он убил твоего, – Крячко запнулся, вспоминая, – Артеменко Владимира Никитовича, заставил проглотить цианид, кажется, выдрал при этом клочок волос. Свидетелей нет, улики нет. Исходные данные верны?

– Верны, – Гуров кивнул.

– И что же вы, товарищ подполковник, собираетесь против данных граждан предпринять? – Крячко повернулся к Вакурову и пожал плечами, словно говоря, мол, странный у нас начальник.

Гуров молчал, и не оттого, что уж совсем сказать было нечего, – ждал телефонного звонка, дополнительной информации, которая помогла бы ему быть конкретнее в разговоре с коллегами.

– Ну раз подследственный молчит, выскажись, Бориска, подбрось дровишек, – сказал Крячко.

– Да что я, товарищ майор?

Неожиданно Гуров взял чайник, наполнил чашку, подвинул к Крячко, тот машинально выпил и поперхнулся, однако не сбился, и злости в майоре не убавилось.

– Петр Николаевич верно сказал, нет улик, в природе не существует!

– У нас работы – вот! – Крячко чиркнул пальцем по горлу. – Мы тебе помочь не можем и одного в такую авантюру не отпустим! – Он допил чай, потер крепкие щеки, усмехнулся. – Извини, глупость сморозил. Что значит не отпустим? Ныряй, здесь не глубоко. У тебя отпуска еще недели две? Выйдешь на работу, тебя жизнь быстренько на колею поставит.

– Ты умница, Станислав, верно определил, что Лебедев сегодня в разбитом синдикате вроде банкира. – Гуров сделал три бутерброда, разложил по тарелкам.

Любой реакции ожидал Крячко на свою тираду, но, что Гуров ему просто не ответит, даже не предполагал.

– И ты опять же прав, Лебедев умен и опытен, – спокойно продолжал Гуров, улыбаясь Крячко, как лучшему другу и единомышленнику, а Вакурову хитро подмигнул. – Однако уже начал ошибаться. Ему бы в тот день, как они Артеменко прикончили, – на самолет и в Москву. А он на юге задержался, вроде бы не имея к убийству отношения, отдыхает, словно возвращаться нет резона. Ошибочка. Кому он кино показывал?

И вновь зазвонил телефон, Гуров почему-то вздрогнул, снял трубку.

– Слушаю, – он откинулся на спинку кресла, кивая, чуть слышно повторял: – Так, так... Понятно, – затем громко спросил: – Кто выезжал? Спасибо. Звони, – и положил трубку. – Баба с возу, кобыле легче. А пистолет – совсем лишнее. Вот так, вот так, коллеги, дела... – Гуров вздохнул, покачал головой. – Когда Татьяна звонила первый раз, то еще не знала, что днем застрелили Леонида Кружнева. Лебедев в момент убийства находился в ресторане. Алиби. Так он в жизни пистолет в руках не держал.

– А Татьяна – та красивая женщина, которую ты «соблазнил»? – Крячко улыбнулся.

– Она, – Гуров кивнул, на подначку товарища не среагировал. – Самонадеян я, ребята, ярлычок Лебедеву привесить поторопился. Вот он почему в Москву сразу не вернулся и Кружнева там же задержал.

– Лебедев твой, может, пистолет от утюга не отличает, но у него есть человек, который с оружием обращаться умеет.

– Мои построения он поломал, «все смешалось в доме Облонских». Хорошо, но первый шаг мы сделаем по старому сценарию. Значит, так, Станислав, ты завтра Бориса от текущей работы освободи. Как – это твоя проблема. Ты понял? – Гуров смотрел на Крячко, пока тот не кивнул. – Завтра прилетает Лебедев. Борис, ты поедешь со мной во Внуково.

– Бориска, возьми бюллетень на три дня, – сказал Крячко. – Больше дать не могу, Лев Иванович.

– Хорошо, – Гуров вздохнул, не мог перестроиться, оценить вновь сложившуюся ситуацию. – Не собираюсь держать вас в неведении, передвигать, словно пешки. Мы остановились на том, что Лебедев банкир, казначей. Так? Станислав, прошу, ты думай, подключайся ко мне, «не лузгай семечки на завалинке».

Крячко выпрямился, нахмурил брови, демонстрируя свое внимание.

– Казначей должен иметь деньги, наличные, иначе грош ему цена. Так? – Гуров кивнул и тоном, каким вызывают ученика к доске, сказал: – Борис!

– Вы сказали, что деньги у него есть, – ответил Вакуров.

– Плохо. Станислав!

– Вопросы не понял, – хмыкнул Крячко.

– Деньги, – Гуров потер пальцами, будто считая купюры. – Как они существуют? Где хранятся?

– Черт побери, Лев Иванович! – Крячко хлопнул себя по лбу. – Все гениальное просто. У Лебедева где-то хранятся деньги, которые ему необходимы.

– Застрелили Кружнева, убийце необходимо заплатить, – подсказал Гуров.

– Если Лебедева взять под круглосуточное наблюдение, рано или поздно он приведет к казне...

– А такие суммы дают основание для ареста! – воскликнул Вакуров.

– Только ни людей, ни технику, Лев Иванович, вам не дадут.

– Естественно, – согласился Гуров.

– Даже если я Бориску подарю тебе на две недели... – Запал Крячко пропал, появившийся было азарт угас. – И что же вы, сменяясь, по двенадцать часов будете дежурить у подъезда,

таскаться за опытным жуликом по улице? Он вас в первый же день засечет, спустится в метро и через несколько минут уйдет. Детские, дилетантские игрушки!

– Возможно, ты и прав, – легко согласился Гуров.

Крячко отлично знал начальника – человека в своих решениях осмотрительного (семь раз отмерит), и легкость, с какой подполковник согласился, настораживала. «Недоговаривает», – понял Крячко и обиделся.

– Ну, вам виднее, Лев Иванович, – Крячко демонстративно взглянул на часы. – Спасибо за угощение, – и поднялся.

– Большое спасибо, товарищ подполковник, – Вакуров вскочил.

– Большое пожалуйста, – Гуров сделал вид, что ничего не произошло, обнял Крячко за плечи, проводил до дверей. – Борис, я жду тебя завтра, в восемь, захвати с собой водительские права, поведешь мои «Жигули».

Оставшись один, Гуров убрал со стола, вымыл посуду и прошел в кабинет, куда в отсутствие отца заглядывал лишь для того, чтобы взять книгу или поговорить по телефону, если не хотел, чтобы разговор слышала жена.

Гурову не хотелось заниматься самоанализом, но, видимо, это процесс неуправляемый, отвлечься не удавалось. «Куда я лезу и зачем? Убивают преступники друг друга, главари пытаются спастись. Взятки и хищения вообще не моя епархия, и произошло это в тысячах километров от Москвы». Он вспомнил, как Станислав Крячко провел пальцем по горлу, демонстрируя, сколько в МУРе своих, кровных, забот. Оскорбленное самолюбие? Он держал преступников, казалось, мертвой хваткой держал, а они выскользнули и еще грязный донос прислали. «Не меня они придавили – растоптали справедливость, зло торжествует, так быть не должно. У меня только две недели; работая в отделе, посторонним делом я заниматься не смогу. Я все возможное и невозможное постараюсь сделать, затем поглядим. Еще не вечер. Кружнева убили выстрелом в голову с расстояния около пятидесяти метров. Занимайся я этим делом официально, создал бы целую версию. С такого расстояния из пистолета рискнет стрелять лишь высочайший профессионал. Стрелка этого у Лебедева еще неделю назад не было. Он появился два-три дня назад, прибыл самолетом или машиной. Лебедев, десятки лет занимавшийся крупнейшими аферами, к наемному убийце отношения не имеет. Стрелка прислали. Не Палермо, не мафия, не „Спрут“ – собственного вырастили. Где он так стрелять научился, где тренировался? Тоже ниточка. Стоп. Мне этим делом не заниматься. Меня интересует лишь финансист, организатор преступного бизнеса Юрий Петрович Лебедев. Но у него теперь под рукой профессионал. Все-таки я молодец, умница, что девочек из Москвы убрал. Если Лебедева удастся прижать серьезно, он пойдет до конца, как ни кинь, у него, в случае провала, впереди высшая мера...»

Глава 2

Юрий Петрович Лебедев, откинув спинку кресла, дремал, изредка открывая глаза, смотрел на проползающие за окном самолета холодные, равнодушные облака. Сидевшая рядом крепенькая толстушка беспрестанно вытирала платком лицо и рассказывала в который уже раз, как ей безумно повезло, что билет у нее был только на завтра, в последний момент оказалось свободное место. А она, хитрющая, тут как тут, а дома дела ждут и муж-забудыга.

«Тебе бы не мешать людям отдыхать, поцеловать мне ручку и затихнуть, – размышлял лениво Юрий Петрович. – Не прикажи я убить психопата-Леньку, толклась бы ты в аэропорту до завтра. Как все в жизни интересно складывается, человека убили, а тебе удача подвалила, и ты на месте покойника сидишь».

Если бы не седина, Юрий Петрович выглядел бы значительно моложе своих шестидесяти четырех. Среднего роста, полноватый, но не жирный, одетый всегда добротно, чуть старомодно, он походил на солидного чиновника. Серые глаза Юрия Петровича смотрели на мир не испуганно и загнанно, а равнодушно, порой насмешливо и никак не выдавали внутреннего состояния «финансового магната», а с недавних пор и организатора двух убийств. Чувствовал же себя Юрий Петрович отвратительно, а когда увидел мужчину, который прошел мимо его кресла в сторону туалета, вытер ладонью покрывшийся испариной лоб.

Звали этого мужчину незатейливо – Иван. Познакомился с ним Юрий Петрович много лет назад, когда Иван, демонстрируя свое мастерство, вошел в квартиру Лебедева бесшумно, словно замки на дверях отсутствовали, и, передав привет от солидного человека, предложил услуги профессионального убийцы. Юрий Петрович тогда сдержанно отказался.

Три дня назад Иван появился в гостиничном номере, который занимал Лебедев. Дверь была заперта, ключ остался в замке, но гость не постучал, вошел тихо и спокойно, кивнув, опустился в кресло.

– Мне передали, что у вас проблемы. – Иван взял со стола бутылку коньяка, плеснул в стакан чуть-чуть, смотрел безразлично.

– Были! И очень серьезные! – взорвался Лебедев. – Вы опоздали! Несколько дней назад я был бы несказанно рад вашему визиту, а сегодня – простите.

Губы у гостя скривились в улыбке, а глаза – белые, без зрачков, пустые – смотрят и не видят, как и много лет назад.

– Занят был, – он совершенно неожиданно по-человечески, даже заразительно, рассмеялся. – Да не бойсь, не сидел. Такие, как я, не садятся; как минеры, в госпиталь не попадают, ошибся – и в распыл. Я работал, приятель. – Иван пригубил коньяк и пояснил: – Я когда подряд беру, адреса не оставляю. Объявился днями, нашли, о твоих заботах шепнули.

– Ох и много же я не знаю! – удивился Лебедев.

– Тебе повезло, долго жить будешь, – философски изрек Иван, катая в ладонях стакан с несколькими граммами коньяка.

Неожиданно Лебедев увидел гостя совершенно иными глазами. Взгляд упал на пальцы Ивана, зацепился: они были длинные, тонкие, с широкими плоскими ногтями, очень коротко остриженными, стерильно чистыми, какие порой бывают у врачей.

Лебедев мазнул взглядом по лицу Ивана и неожиданно понял, что первоначальное, давнишнее впечатление о рабоче-крестьянском происхождении гостя неверно. Наемный убийца был замешен на иных дрожжах, и обмануться мог только человек, желавший быть непременно обманутым. И тут Лебедев вспомнил, что совсем недавно сам представлялся Иваном Ивановичем, понял, что гость над ним давно потешается.

– Смотришь на твое лицо, словно в «Вечерке» рубрику новостей читаешь, – сказал Иван, поднимая верхнюю губу и обнажая ровные белоснежные зубы. – Очень удивительно, что ты до сих пор на свободе.

– Обмисурился, за другого тебя принял, – признался Лебедев. – Исправлюсь, ты вскоре удивляться перестанешь. Так что тебе шепнули, какая у меня проблема?

– Мавр сделал свое дело, ему следует уходить, – ответил Иван. – Имя, окраска, место пребывания.

– Леню Кружнева имеешь в виду?

– Не знаю, – Иван поморщился. – Кто-то свое дело сделал и стал не нужен.

Юрий Петрович приподнял тяжелые веки и увидел Ивана, который возвращался на свое место. Он шел по проходу, смотрел прямо перед собой и то ли напевал, то ли насвистывал.

А тогда в номере гостиницы, услышав, что Кружнев «дело сделал и стал не нужен», Лебедев сразу подумал, что за ним не только внимательно наблюдают, но и берегут. Естественно, ведь он выплатил семье арестованного главара лишь половину и двести пятьдесят тысяч умышленно остался должен. Значит, кто-то считает Леню Кружнева, который убил Артеменко, теперь лишним, а главное, опасным. «Не будем спорить», – подвел Лебедев итог размышлениям и описал внешность Кружнева, указал гостиницу и номер.

– Ладненько, – Иван отставил стакан, поднялся. – С завтрашнего дня каждый вечер, часов с девятнадцати, находишься в помещении, на людях. Думаю, я тебя не задержу.

– Может, мне лучше улететь?

– Ты что? Псих? Ты улетишь, и он улетит. Делай, как сказано. – Иван у двери оглянулся. – И, естественно, кто музыку заказывает, тот и платит.

– А я ничего не заказывал, – быстро сказал Лебедев.

– Чудной ты, – Иван рассмеялся, шагнул через порог и мягко прикрыл за собой дверь.

Через два дня около девяти вечера Леонида Кружнева обнаружили у гостиницы «Приморская» с простреленной головой.

Лебедев, выполняя указания Ивана, накануне вместе с Кружневым купил билет до Москвы.

Во Внукове, ожидая багаж, Лебедев увидел Ивана, который о чем-то весело беседовал с двумя девушками.

– А в Москве погода лучше, – сказал он, подходя к Лебедеву. – А вот и наши чемоданчики.

Лента транспортера действительно двинулась, вокруг начали толкаться, суетиться, Иван и Юрий Петрович посторонились.

– Приготовь двадцать штук, завтра в девять утра я тебе позвоню, – сказал Иван.

Свободных такси было сколько угодно, однако водитель неохотно открыл багажник; еле волоча ноги, обошел машину; прежде чем сесть за руль, тоскливо оглянулся, словно прощался со свободой, затем, тяжело вздыхая, начал крутить ручку счетчика.

– Попутчиков брать не будем, – пресек его мучения Лебедев. – Центр.

Неожиданно задняя дверь открылась, и кто-то легко вскочил в машину.

– В центр? Прекрасно!

Водитель рванул с места, глянул на Лебедева, усмехнулся.

Несколько минут ехали молча, затем мужчина, бесцеремонно подсевший к Лебедеву, спросил:

– Юрий Петрович, что погода, так и не исправилась, все дождит?

Лебедев повернулся и увидел голубоглазого, улыбающегося подполковника Гурова.

– Василий Сергеевич, не гони, я быстрой езды не люблю, – сказал Гуров.

– Это ваша машина? – Голос у Лебедева вдруг подсел.

– На воду дуετε, Юрий Петрович. – Гуров нагнулся вперед и указал на карточку водителя.

О ком только Юрий Петрович Лебедев за последние сутки не думал. О главаре преступной группы, которого ждет суд, о Володе Артеменко и Лене Кружнев, которых воспитывал не одно десятилетие, а затем убил, даже о майоре Антадзе, попавшем в ловушку и скончавшемся вчера от инфаркта, о профессиональном убийце, летевшем с ним, Лебедевым, в одном самолете, но, естественно, больше всего он думал о себе самом. Он твердо решил расплатиться с долгами, окончательно порвать с прошлым, мягко, без эксцессов, отойти от дел и жениться. Да-да, даже об очаровательной сорокалетней Верочке, обожавшей комфорт, уют и мальчиков, Лебедев тоже думал, а об этом человеке, что сидит сейчас на заднем сиденье, забыл. Юрию Петровичу казалось, что голубоглазый подполковник из МУРа привиделся ему в кошмарном сне и исчез с наступлением нового дня. Гурова оставили на перроне, выбросили за борт одинокого, беспомощного, умчались от него за горизонт. Нет, он не канул в небытие, вынырнул, казалось, с того света. Может, за Лебедевым следят неотступно и его встречу с Иваном и их последний разговор в багажном отделении тоже засекли?

Гуров хотя и продвинулся в глубь салона и мог видеть Лебедева только в профиль, однако его страх и смятение не ускользнули от внимания сыщика. Он врал лишь в случаях крайней необходимости и отлично знал: чем ложь наглее, грубее, тем она порой больше похожа на правду.

– Только не подумайте, что ради вашей персоны я притащился в такую даль, – сказал Гуров. – Провожал приятеля, увидел случайно, решил подсесть. Кружнев не мучился, умер сразу?

Оказался в аэропорту случайно? О Кружнев уже знает! Лебедев не мог сосредоточиться, восстановить свой последний разговор с подполковником и чуть слышно промямлил:

– Леня? Кошмар! В голове не укладывается... Кому мешал? Такой тихий...

– Совсем вы поплохели, Юрий Петрович, как говорится, ум за разум... Вы Кружнева знать не должны, даже не слышали о человеке. А вы Леней его называете, оскорбляете покойника, тихим обзываете. Когда вы его на Артеменко натравили, тоже тихим считали?

«А ведь действительно, – вспомнил Лебедев, – у нас с сыщиком о Кружнев разговора не было! Как же это я? Больше ни одного слова. Я запутаюсь окончательно. Не отвечать ни на один вопрос. Если у МУРа против меня что есть, так и так возьмут».

Гуров посмотрел в боковое окно, затем оглянулся. Боря Вакуров на «Жигулях» держался на почтительном расстоянии.

– Вот и столица. Вам на Воровского?

Лебедев вздрогнул, не ответил.

– Решили молчать? – Гуров усмехнулся. – Только под протокол. К сожалению, мне заниматься вами не разрешили, так что продолжения сегодня не последует. Я человек не тщеславный, кто-нибудь из моих коллег вас прищучит.

Такси остановилось на улице Воровского у нового здания музыкального училища. Лебедев расплатился, забрал чемодан. Они не сказали друг другу ни слова. Гуров уехал домой. Оглянувшись, увидел, как Борис припарковал «Жигули».

Лебедев отпер все замки, вошел в квартиру, опустил чемодан на пол, сел в кресло, не снимая пальто и шляпы, и тихо заплакал.

– И чего им всем от меня надо? – бормотал он, кулачком, по-детски, вытирая слезы. – Сколько можно, я же не двужильный.

Вскоре, приняв душ, побрившись и сменив белье, он пил кофе на кухне, своей минутной слабости не стыдился, забыл.

«Надо спокойно разобраться, – рассуждал Юрий Петрович. – Ничего у муровского молососа против меня нет, иначе бы не подсел и разговорить бы меня не пытался, все это блеф. А может, он оказался в аэропорту действительно случайно? Если он следил за мной, то не сел

бы в машину, не раскрылся. И подполковники такой работой не занимаются. Он увидел меня случайно и решил хоть как-то отыгаться за то, что у него под носом убили человека. Сопляк!»

Довольный своей проницательностью, Юрий Петрович выпил рюмку коньяка и решил о встрече забыть, однако известно, что благими намерениями устлана дорога в ад. Уже через несколько минут Лебедев вновь рассуждал.

«Подполковник умный, опытный сыщик, данный факт сомнений не вызывает. И покойный Володька говорил, что Гуров ас, и сам я это почувствовал, когда он явился ко мне в гостиницу. Глупо, да и опасно себя успокаивать, не он, а я рассуждаю как кретин. Он мог оказаться в аэропорту случайно, но уж подсел ко мне, конечно, с конкретной целью. Начальство не решило ему заниматься моим делом! Зачем сообщил мне? Умный человек не может рассчитывать, что ему поверят. Но зачем-то он это сказал? Если он не ведет расследование, то как узнал, что вчера застрелили Леню? Ясно как день: сыщик в аэропорту встречал именно меня. И зачем сел в машину, какую цель преследовал?»

Лебедев не знал, что Гуров подобрал ему задачу, которая решения не имела. Замысел профессионального розысника отличался удивительной простотой. Любой кроссворд, наисложнейший, разгадывается. Человек зашифровал, человек может и расшифровать. Гуров во всех своих поступках и словах решил быть непоследовательным, противоречивым, пусть преступник пытается найти к этой бессмысленности ключ.

Человек, совершивший столько преступлений, не способен, приняв из рук сыщика загадку, выбросить ее и забыть. Преступник начнет искать решение, полагая, что от него зависят свобода и жизнь. Он будет искать ключ, которого не существует, мучиться и искать, сначала лишь теоретически, потом начнет действовать.

Гуров не располагал никакими доказательствами вины Юрия Петровича Лебедева. Полковник Орлов был прав, реальных улик в природе не существует. Значит, решил Гуров, задача состоит в том, чтобы заставить преступника создать необходимые улики, затем ими овладеть. Безысходным было бы только бездействие Лебедева. Если он сумеет забыть обо всем и хотя бы несколько недель ничего не предпринимать, подполковник Гуров приступит к выполнению своих служебных обязанностей, и Лебедев может спать спокойно.

Естественно, что убийцу Леонида Кружнева ищут, но путь от Черного моря до Москвы долг, да и ни один сотрудник уголовного розыска не знает о происшедших событиях столько, сколько знает подполковник Гуров. Точнее, не знает – лишь догадывается, фантазирует, а с таким легковесным багажом в главк не пойдешь. Выслушают, конечно, но выглядеть в глазах коллег будешь крайне несерьезно.

Все это Гуров отлично понимал, но отступить и забыть происшедшее не мог. Он, как и Лебедев, находился в своей квартире, только не сидел на кухне, не пил кофе, а расхаживал по гостиной с тряпкой в руке, вытирая пыль.

Почему он отослал Риту и Ольгу из Москвы? Лев Иванович Гуров, подполковник милиции, заместитель начальника отдела МУРа, проработал столько лет в розыске, сталкивался с такими парадоксами, никак не предсказуемыми катастрофами, что давно пришел к выводу: иную ситуацию нет смысла просчитывать, определять даже ничтожную степень риска. Риск необходимо исключить полностью, создав десятикратный, даже стократный запас прочности. Лебедев не только человек умный, циничный и жестокий, он один из немногих (да и кто знает точно?) оставшихся на свободе преступников, обладавших огромной властью и деньгами. Возможно, попытка Гурова закончится ничем, столкновение не состоится. А если старого финансиста, сегодня организатора двух убийств, удастся серьезно прижать? Как-то он поведет себя, что придет ему в голову? Главное, что могут предпринять неизвестные Гурову преступники, которые стоят за Лебедевым? Когда мужчины дерутся, женщины должны находиться за горизонтом.

И Гуров не только отослал своих девочек за Урал, но и попросил начальника уголовного розыска присмотреть за ними. А майор Серов, сыщик божьей милостью, понял все с полуслова.

Девочек нет, и пыль вытирать в квартире приходится самому. Гуров любил порой заниматься механической унылой работой: вроде бы и не бездельничаешь, и думается хорошо. Он уже с минуту бессмысленно тер пепельницу, хотя в доме никто не курил, и улыбался. Загадал он Лебедеву загадку, есть над чем подумать.

Гуров не имел четкого плана действий. Главное, не позволять Лебедеву жить спокойно, заставить суетиться, а там жизнь подскажет. Продолжая глуповато улыбаться, он протер телефонный аппарат, затем снял трубку и набрал номер Лебедева; после трех гудков раздался спокойный голос:

– Алло! Вас слушают. Алло! Вас не слышно, перезвоните.

Гуров положил трубку и пробормотал:

– А может, мне к врачу обратиться?

Он бросил тряпку, прошел на кухню. Ведь каждый сумасшедший считает себя абсолютно нормальным.

Лебедев поглядывал на молчавший телефон и думал, что, возможно, его уже подключили на прослушивание. Завтра будет звонить Иван. Юрий Петрович оделся и вышел на улицу, прошел мимо здания Верховного Суда, но сегодня привычного удовлетворения не почувствовал.

Боря Вакуров отпустил Лебедева метров на сто с лишним и медленно поехал следом.

Оказавшись на Калининском проспекте, Лебедев остановился в нерешительности, оглянулся и увидел медленно катящиеся «Жигули» с частным номером. «А ты думал, что они будут за тобой следить в машине с фонарем на крыше?»

Он стоял на углу Воровского и проспекта и смотрел на машину, в которой, кроме водителя, никого не было. «Может, чудится? Как выразился голубоглазый сыщик, я уже на воду дую?»

Из «Жигулей» вышел молодой парень, снял щетки, запер машину, свернул на проспект и скрылся за декоративной церквушкой.

А ну поглядим, решил Лебедев, повернулся и пошел обратно. Он шагал медленно, не оглядываясь, лишь открывая дверь своего дома, повернулся. Мимо на большой скорости пролетели те самые «Жигули», а на другой стороне улицы остановилось такси, из которого некоторое время никто не выходил, затем, пошатываясь, выбрались двое мужчин. Лебедев наблюдал за ними открыто, теперь уже таиться поздно. Ясно, «Жигули» по рации передали сигнал, прибыло такси с «пьяными».

«Боже мой, – рассуждал Лебедев, поднимаясь в квартиру. – Хоть бы что-нибудь новенькое придумали. Как засветятся, так обязательно прикинутся пьяными. Здоровые мужики, черт знает чем занимаются, а ведь каждый больше двухсот получает, плюс машина. И сколько таких машин и „пьяных“ запущено за моей скромной персоной? И это перестройка, так они учатся хозяйствовать по-новому!»

Боря остановился у автомата, позвонил начальству, доложил.

– А не слишком грубо? – поинтересовался Гуров.

– Не знаю, – сознался Боря. – Как уж получилось, старался поинтеллигентней.

– А он тебя в лицо видел?

– Нет, Лев Иванович, – ответил оперативник. – Я проверял, когда щетки снимал; глянул на него – на таком расстоянии лица точно не разглядеть.

– Прекрасно, мы завтра данный факт используем. А сейчас, коллега, дуй в таксопарк, помни, машина была радионная, пусть диспетчер ее хоть из-под земли достанет. Если повезет, следуй по маршруту, близко не подходи, только установочные данные.

– Понял, Лев Иванович!

– Я готовлю обед и жду. Действуй.

Иван – имя его было настоящее – из Внукова приехал в гостиницу, в которой его давно знали и любили. Впервые он поселился здесь лет двадцать назад и наезжал с тех пор регулярно по два-три раза в год, случалось, и чаще. Общительного и обаятельного Ивана Николаевича Лемешева в небольшой гостинице, расположенной в самом центре столицы, знали все, от уборщицы до директора. За десятилетия и уборщицы, и буфетчицы, и директора менялись, а «инженер по холодильным установкам» Лемешев приезжал регулярно, держался с обслуживающим персоналом дружески, но без панибратства, привозил недорогие подарки, чинил постоянно ломающиеся холодильники, оставлял чаевые, слыл человеком скромным, непьющим, при деньгах. А как можно быть без денег при такой профессии? Холодильники у нас не какие-нибудь финские или японские – отечественного производства, со Знаком качества. И за ними только глаз да глаз, как за ребенком-шалуном, требуется. Если не дрожит, подпрыгивая, так «описается», а назавтра либо перегорит, либо покроется таким слоем льда, что ломом не отшибешь.

Когда Иван определял свой официальный статус, то учел, что холодильники, как и телевизоры, в обозримом будущем жить спокойно не дадут и своего мастера хлебом всегда обеспечат.

И сегодня, когда Иван подошел к барьеру, который отделяет администратора гостиницы от обыкновенных людей, и протянул паспорт, он, встретившись взглядом с давнишней знакомой, уверенно сказал:

– Здравствуйте, на меня должна быть бронь министерства.

Администратор не улыбнулась, кивнула, ответила холодно, как и другим обреченно ожидавшим своей участи:

– Здравствуйте, – и зашелестела лежавшими на столе бумажками.

Действовал давно установленный порядок: при посторонних знакомство не афишировалось, все происходило согласно протоколу. «Бронь» нашлась, администратор вложила в паспорт карточку гостиницы, положила на барьер.

– Лемешев Иван Николаевич, пожалуйста, – она укоризненно взглянула на других соискателей. – Товарищи, вы словно дети, простых вещей не понимаете. Гостиница не частная лавочка, я здесь не хозяйка.

– У меня тоже должна быть бронь! – срывающимся тенором выкрикнул гражданин, одетый не по сезону в тяжелый овчинный полушубок. – Я по вызову, летел двое суток.

Иван взял направление на этаж и вошел в лифт, так и не услышав окончания одиссеи командированного. Номер оказался, как и положено, «люкс», из брони, которую любая гостиница всегда имеет на всякий пожарный случай. Вскоре, приняв душ, побрившись и надев свежую рубашку, Иван уже созванивался с приятелями и приятельницами, которые помогали ему в Москве приобретать дефицит, сувениры, необходимые для создания нормальной среды обитания. Работники гостиницы, начальство и рядовые сотрудники конторы по ремонту холодильных установок, где он расписывался за зарплату, женщина, с которой он в настоящее время жил, и множество других нужных людей требовали внимания и расходов. Он неукоснительно придерживался принципа: никто никого просто так не любит, не уважает и не боится, чувства человеческие управляемы и должны быть должным образом обеспечены, иначе захиреют, иссякнут.

Долгие годы Иван выполнял указания хозяев: припугни, выбей, убери, мечтал найти своего «золотого теленка». Нельзя же всю жизнь ходить по звенящей от напряжения проволоке, надо взять один раз и уйти в презируемый заживевшими руководителями, работягами и просто дураками мещанский быт. И время поджимало, подпольный бизнес если и не уничтожили, то будут долго и методично добивать. Лебедев – кандидатура во всех отношениях подходящая. Осколок от разбитой корпорации, имеет деньги, одинок, его, Ивана, боится. Только и делов осталось, что найти место хранения кассы, остальное – дело техники. У старика один, но очень

серьезный недостаток – он находится в поле зрения милиции и прокуратуры. Насколько им серьезно и активно занимаются, неизвестно, но, во-первых, без риска в таком деле обойтись невозможно, во-вторых, Иван убежден, что нельзя объять необъятное. «Власти до лебедевых доберутся, но сегодня их интересуют звери покрупнее. Старика знают, но отложили на потом, мол, никуда не денется. И тут вы ошибочку допускаете, начальнички, – рассуждал убийца, – не все золото, что блестит. Партийные руководители и министры, которые рвали и тащили, они крупнее и опаснее моего мухомора. Однако мне мой Юрашечка много дороже: у него ни виллы, ни яхты, ни заводов, ни автопарков, зато пусть и не конвертируемая, но валюта, денежные знаки и золото».

Иван позвонил Лебедеву, услышал его голос; так же, как и подполковник Гуров, положил трубку.

«Завтра, родименький, завтра мы начнем с тобой последнюю партию этого затянувшегося матча».

Глава 3

На следующий день в двенадцать часов Юрий Петрович ждал Ивана на Центральном телеграфе. Лебедев сидел за столом и, тыкая ржавым пером «Рондо» в пересохшую фиолетовую чернильницу, мечтал лишь о том, чтобы свидание не состоялось.

Когда утром Иван позвонил, Лебедев не рискнул предупредить, что телефон, возможно, прослушивается, и уж тем более не сказал, мол, деньги принести не могу, так как за мной топают оперативники. Он вышел из дома в десять, около часа катался в метро, делал пересадки, выходил в последний момент из вагона и тут же уезжал в обратном направлении, прекрасно отдавая себе отчет, что если их разговор слышали, то все его маневры сплошной идиотизм.

Сказать Ивану или не говорить? Если не говорить, как объяснить отсутствие денег? Он уже перестал оглядываться, пытаться определить, следят за ним или он «оторвался». Наверняка не таких, как он, «водят» и все его приемчики – детский лепет, не более, и давно известны.

Сначала он четко видел окружающих, мог их персонифицировать. Молодежь и стариков отмести, не замечать. Офицеры, ярко одетые женщины тоже слежку осуществлять не могут. Мужчины и женщины среднего возраста, неброско одетые, без вещей – так Лебедев представлял возможных преследователей. Очень скоро в глазах начало рябить, затем окружавшие его люди слились в сплошной однородный поток, он перестал различать лица, в голове зашумело, начало подташнивать.

Когда около двенадцати Лебедев притащился на телеграф, то безразлично скользнул взглядом по окружающим, опустил на стул, подвинул телеграфный бланк и попытался написать телеграмму на собственный адрес. У Лебедева имелся «Паркер» с золотым пером, но ему доставляло удовольствие шкарять бланк корявым «Рондо», словно гвоздем на сырой штукатурке выцарапывая печатные буквы.

«Перестройщики, – думал Лебедев, комкая испорченный бланк, – куда вы без нас денетесь? В столице, на Центральном телеграфе, нечем писать! Говорить до одурения, призывать на подвиг – здесь вам равных нет. Поплевался в микрофон, потом шаст в черный лимузин, занял левую полосу и помчался, пугая всех сиреной, встречать или провожать такого же огнеметчика. Сколько деловых людей спалили, какие корпорации разрушили, а чего сделали? Вот телеграмму написать не могу, а у меня, может, мама умирает и промедление смерти подобно?» Рассуждая так, Лебедев набирался сил, как прильнувший к кислородной маске астматик.

В половине первого он, бодрый и отдохнувший, вышел с телеграфа и зашагал домой. Иван не явился, матерый зверь всегда чувствует западню. «А может, ничего и не чувствует, все я придумываю, позвонит позже, передоговоримся», – успокаивал себя Лебедев, шествуя по улице Герцена. Он дышал полной грудью, свежий уже весенний воздух пьянил.

Когда Юрий Петрович пришел домой, Иван на кухне пил чай и читал газеты. Больше всего Лебедева потряс не факт присутствия гостя, а чай, газеты и очки в массивной оправе, которые Иван поднял на лоб при появлении хозяина.

– Иван, – пробормотал Лебедев и, окончательно смешавшись, добавил: – Здравствуй!

– Какие беззакония творят судейские, – Иван укоризненно посмотрел на Лебедева. – Ведь абсолютно невинных сажают, друг дружку хватают, оторопь берет.

Юрий Петрович впервые увидел, что глаза убийцы не белые и мертвые, а голубые, поребачьи наивные.

– Присядь, – Иван стал наливать чай в загодя приготовленную чашку. – Тебе покрепче? Сахар положить или с вареньем? Я тут клубничного притащил.

Лебедев не ответил, сел за стол, хлебнул горячего чая и обжегся. Иван не обращал на него внимания, нацепил очки, поправляя, ткнул пальцем в переносье и продолжал читать.

– И чего перед человеком расшаркиваться? – Иван снял очки, отложил газету. – Если он два года только до суда под следствием сидел? В законе точно определены сроки, а товарищи, как и мы с тобой, на закон плюют. Однако мы сдельно работаем, а они оклад получают, нет справедливости.

– Справедливости, уважаемый, в природе не существует, – Лебедев любил пофилософствовать. – Да и понятие давно устаревшее.

– Шея не болит? – спросил неожиданно Иван.

– Что? – Лебедев непроизвольно потер шею. – Есть немножко, отложение солей.

– Тогда понятно, – Иван кивнул. – А то гляжу, идет по улице человек и головой непрерывно крутит, решил, боится чего, оглядывается. А у него, оказывается, соли отложились. Ну, выкладывай, давно обнаружил?

Он выслушал рассказ Лебедева о вчерашних событиях внимательно, не перебивая, некоторое время пил остывший чай, затем сказал:

– Значит, МУРу все известно, но нет доказательств. А меня чучмеки послали к тебе уже засвеченному. Интересно. Меня могли засечь и на побережье, и в аэропорту, и сегодня, когда я входил в дом. Ты что, старый, от жизни устал?

Юрий Петрович к такому разговору подготовился, реагировал спокойно.

– Не будь сопляком. Я тебя не вызывал, в дом не приглашал, а говорить по телефону остерегся. И главное, ты меня тронуть не можешь, потому как останешься без денег, лишишь средств семью хозяина и окажешься вне закона. Так что ты мне больше никогда не угрожай.

– Договорились, – легко согласился Иван, протянул руку, – деньги, и я пошел.

– Откуда же у меня деньги? – удивился Лебедев. – Или ты полагаешь, я кассу дома под кроватью держу? Мне надо поехать и взять. Надо выждать. Сколько они меня могут «пасти»? Ну неделю, ну две... Месяц в конце концов. Давай для перестраховки подождем месяца три.

– Ты прав, – Иван кивнул. – Но я ждать не могу. Тебя могут арестовать, ты можешь скрыться, нет смысла перечислять причины. Деньги нужны сегодня.

– Нет! – твердо ответил Лебедев. – Я в тюрьму добровольно не пойду.

Иван понимал, что старик прав, сейчас необходимо выждать, опера потопают, да и отстанут. «Засветился я или нет, вот в чем вопрос. На побережье я был чист, иначе бы взяли немедля, с оружием в руках. В аэропорту в багажном отделении суэта, все друг с другом разговаривают, на меня обратить внимание не могли. Сегодня я взял старика не от дома, а при входе на телеграф, где люди десятками шастают, к мухомору не подходил, приехал сюда без хозяина. Если за ним и наблюдали, то муровцы у телеграфа остались. Сейчас, если они и у дома, на меня внимания не обратят, так как квартир в подъезде много. Можно уходить, провериться и никогда сюда не возвращаться. А старик обо мне ничего не знает, в случае ареста назовет лишь приметы. А деньги? Не должок за последний выстрел, а вся касса старика? Он сейчас напуган, это мой шанс, надо использовать».

– Я из Москвы ухожу, – сказал Иван. – Мне нужны деньги. День-два подождем, там видно будет. Ежедневно на телеграфе с двенадцати до половины первого. И ничего не бойся, если я подойду, значит, за тобой чисто.

Боря Вакуров сидел в «Жигулях» и читал «Огонек», поглядывая на дом Лебедева. На Ивана, который вышел из подъезда, молодой оперативник никакого внимания не обратил, так как человека, разговаривающего с Лебедевым в аэропорту, не видел, сидел в машине. Да и не он один – люди приходят и уходят. Вчера появилась идея заглянуть в ЖЭК и по домовую книгу составить список жильцов и научиться их распознавать. А гости? И времени нет. И Боря от своей идеи отказался. Он уважал и любил Гурова, но считал, что подполковник в данный момент запутался и сам точно не знает, чего хочет. Вчера приказал взять объект под наблюдение и засветиться, а сегодня, наоборот, если Лебедев начнет проверяться, наблюдение бро-

силь. Утром на первой же станции метро Боря отстал, вернулся к дому. В двенадцать пятьдесят шесть Лебедев вернулся, но где он около трех часов находился, виделся с кем или нет, неизвестно. Разве это работа?..

В три часа дня, как и договорились, Вакуров приехал к подполковнику. Лев Иванович выслушал и сказал:

– Не хочется говорить банальности, но в нашей профессии умение ждать и терпеть необходимо. Что делать? Мы не всегда владеем инициативой.

– Я не понимаю, Лев Иванович, объясните, – Боря смотрел недоуменно. – Убили двух человек, преступники они или нет, для милиции значения не имеет. Так? По факту возбуждено уголовное дело. Так? Следствие и розыск должны работать?

– И работают, – ответил Гуров. – Возможно, что убийство из пистолета взял на контроль главк.

– У вас же есть версии! – горячился Вакуров. – С вашим мнением совсем не считаются?

– Считаются, Боря, не волнуйся, – Гуров улыбнулся. – Причастность Лебедева к убийствам – лишь мое предположение. Допустим, даже убеждение. Допустим, я позвонил своему приятелю в министерство и рассказал, что думаю о происшедшем. Он благодарит, записывает фамилию Лебедева. Что дальше? Не может же полковник Иванов на основании предположения подполковника Гурова составлять план оперативных мероприятий?

– А вы напишите рапорт!

– Да, хорош получится рапорт, в котором будут употребляться выражения «мне кажется», «есть основание предполагать», и слова, слова, слова, как обеспечение моих предположений и утверждений.

– Извините, Лев Иванович, – слегка запинаясь, сказал Боря. – Но в своей работе я никакого смысла не вижу. Нет, я, конечно, выполню ваши приказания...

– Просьбы, Боря, – перебил Гуров. – Просьбы, приказывать я тебе сейчас не могу.

– Как вы сами выражаетесь, Лев Иванович, это лишь слова. Ведь какая вам разница, попросит вас Константин Константинович или прикажет. Главное, я вас не понимаю. Чего вы добиваетесь?

– Не знаю!

Вакуров взглянул удивленно, он впервые услышал, как подполковник повысил голос.

– Отправляйся на работу, ты мне больше не нужен. Спасибо.

– До свидания, товарищ подполковник, – Боря Вакуров обиделся и ушел.

Гуров не мог сказать правду и солгал. Он знал, чего добивается, но не мог точно представить, как начнет действовать Лебедев, когда он, подполковник Гуров, своего добьется.

Прошли сутки; Лебедев лишь дважды выходил из дома, побывал на Центральном телеграфе и, ближе к вечеру, зашел в булочную. Иван не появлялся. А в девять, когда Лебедев бездумно смотрел в телевизор, раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, Юрий Петрович, – раздался хорошо знакомый голос, человек говорил с небольшим акцентом.

– Здравствуйте, – быстро ответил Лебедев. – У меня совершенно нет времени, я вас плохо слышу, кто-то мешает нашему разговору. Я сам вам перезвоню часиков в десять.

– А я вас отлично слышу и уверен, что никто не мешает, – собеседник явно улыбался. – У меня для вас отличные новости.

– Конкретнее, – прошептал Лебедев. – Говорите.

– Человек, который вам мешает жить, от работы отстранен. Он, как говорится, занимается на общественных началах, и ни людей, ни техники ему не дали. Так что спите, уважаемый, спокойно.

Лебедев услышал смех, откашлялся, хотел ответить, но не мог, перехватило дыхание.

– Чего молчите, дорогой?

– Глотаю валидол, – еле произнес Лебедев. – Вы не ошибаетесь?

– Какие вы, москвичи, нервные! Я мужчина, дорогой, зачем зря звонить буду? Мне приказали, я передал, все точно. Мы тебя в беде не оставляли и не оставим. Ты на всякий случай запиши адрес, телефон и номер машины этого беспокойного человека, – и продиктовал все данные, – русские говорят, что один в поле не воин.

Абонент, не прощаясь, отсоединился. Лебедев положил трубку и в который уже раз подумал, какая же мощная и сплоченная у них организация. Неделю назад, когда Лебедев оказался в петле, а свободный конец веревки, казалось, крепко держит подполковник Гуров, так же раздался звонок, и преподнесли на блюдечке начальника местного уголовного розыска. Оказалось, что предусмотрительные люди давным-давно завели дело на отца и деда майора Антадзе. И стариков посадить в тюрьму просто, как рюмку коньяка выпить. И милиционер сдался, помог. Лебедев снял петлю со своей шеи и надел на шею подполковника Гурова. Недаром старая поговорка гласит: «Была бы шея, хомут найдется». Только начались неприятности с Леней Кружневым, прислали Ивана, раздался выстрел. Вновь начал набирать силу Гуров, и вновь звонок – сообщили, что король-то голый. «Перестройщики торопятся рапортовать о победах, – рассуждал Лебедев, наливая коньяк, – что-что, а рапортовать они умеют. Теперь мне тоже следует перестраиваться. Расплатиться с Иваном, пусть он из Москвы убирается, хорошо бы его больше никогда в жизни не видеть».

Парадокс ситуации заключался в том, что вся касса, можно сказать, банк Лебедева находился в этой достаточно скромной двухкомнатной квартире. За тридцать с лишним лет своей подпольной деятельности где только не прятал он деньги, сколько раз перепрятывал. Ведь не дома же их держать, рассуждал он в те годы. Мучился, возил, ночей не спал, а потом случайно прочитал рассказ, где хитрый сыщик утверждал: хочешь надежно спрятать, положи на самом видном месте – никогда не найдут. Очень эта идея Лебедеву понравилась, и убрал он наличные, золото и сберкнижки на предъявителя в огромную коробку с елочными игрушками, которая стояла на лоджии, небрежно завернутая в целлофан. Как выходишь на лоджию, так об эту коробку чуть ли не спотыкаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.